

Мы совсем не скучаем

Космическая одиссея композитора Павла Карманова

Пётр ПОСПЕЛОВ

Нельзя сказать, чтобы массовому слушателю были напрочь неизвестны имена современных отечественных композиторов. Люди знают Шнитке, Губайдулину, Канчели и Пярта, широко исполняемых в мире и охраняемых международным авторским правом. Есть у нас и национальная собственность — Свиридов, Гаврилин, Тищенко, Борис Чайковский. Где-то посередине числится Родион Щедрин. Далее следует яма: хорошо, если из нее порой высовывается голова Владимира Мартынова, известного за пределами музыкального мира; прочие из поколения условно 50-летних наглухо заперты в узкоцеховом кругу — даже такие незаурядные, как Александр Вустин или Виктор Екимовский. Среди 40-летних традицию сидения в безвестности не соблюдает один лишь петербуржец Леонид Десятни-

ков. Что же говорить о 30-летних — о тех, кто, по идее, представительствует от новой российской эпохи?

Сдерживая пыл назвать полдюжины достойных имен, поищем лишь тех, кто сумел вынести свои творения за пределы интересов академического круга, — вспомним Антона Батагова, уже пару лет как сознательно покинувшего стены концертных залов, и остановимся еще на одном претенденте, который может, при известном консенсусе, устроить обе стороны — и профанов, далеких от специальных тонкостей, и придирчивых специалистов, знающих, почем до-ре-ми-фа- соль-ля-си.

Собственно, Павлу Карманову, чьи опусы исполнялись на днях в Рахманиновском зале Консерватории, для их создания надобно не многим более, чем семь перечисленных нот. Он — по зову ли души, по требованию ли устойчивой моды — следует выкройкам так называе-

мого минимализма. И не скрывает желания распространить свое творчество в смежных территориях: обе его прозвучавшие композиции аннотированы как годные для исполнения «как в академических залах, так и на альтернативных концертных площадях, а также в ночных клубах». Отнесемся к этому спокойно. В конце концов, это лишь лозунг, под которым молодому автору видится способ пройти между, определим это так, высокомерным технологизмом наследников Эдисона Денисова и коммерческим симфонизмом Вячеслава Артемова. Музыка Павла Карманова легко доступна обычному слуху, не изнуренному музыкальными тяготами XX века, — в то же время она и не вульгарна, и не примитивна. Не пытаясь вовлечь слушателей в состояние заунывного транса, она искрится бодростью, мажором и редким для эпохи fin de siècle душевным спокойствием. Кроме того, ее приятно

и весело играть — об этом говорили улыбки на лицах молодых музыкантов Ансамбля старинной музыки Консерватории, сплошь одетого в зеленые майки.

Кроме фирменного цвета, у Павла Карманова есть свои фирменные приемы. Просто так его сочинения обычно не кончаются. Однажды он зафугасил за окнами зала целый салют — это была «Музыка для фейерверка». Потом вынес на сцену скорородку с рыбой — это был «Форельный квинтет». Теперь, не ограничившись струнными, духовыми и ударными инструментами, ни даже бас-гитарой, Карманов выпустил из синтезатора вой космических аппаратов — но это и была «Музыка для космических полетов». А «Музыку для автоответчика» заканчивали, естественно, телефонные гудки. Если задаться целью покритиковать эти милые развлечения, то можно спросить: а не восполняют ли они недостаток развития в самой музыке?

Да, но не везде — как раз в «Автоответчике» автор наградил нас не только гармоническим дизайном в духе Стива Райха (или Георгия Свиридова?), но и лирической мелодией вполне оригинального происхождения. Стоит ли стесняться разнообразия? Ведь и догма минимализма давно уже не предписывает часами долбить одно и то же.

Это подтвердили, кстати, включенные в ту же программу струнные квартеты Филипа Гласса (№ 4, 1990, с дивной медленной частью) и Майкла Наймана (№ 3, 1990, совсем не похожий на музыку к фильмам Гринуэя). На равных правах с опусами нашего героя они утверждали ценность современной музыки, далекой от авангарда, чувственной и понятной. И пусть неизъяснимая еврейская тоска заморских мастеров не получила поддержки на наших космическо-телефонных просторах, зато их ясная лаконичная методика привилась в Москве, как в свое

время в каменистой Тавриде наука Эллады, — и вот золотых десятилетий благодородные, ржавые грядки. Конечно, нужно было указать и на отечественных предшественников Павла Карманова — для чего сыграли чуть выцветшую в своем ультра-романтизме «Лебединую песнь Аполлона» Александра Рабиновича и давнюю «Китч-музыку» Валентина Сильвестрова (1977), неожиданно получившую благодаря пианисту Михаилу Дубову второе рождение — из бесформенного манифеста «новой простоты» она превратилась в завершенную классическую концертную пьесу.

«Вечер любимой музыки» (так назывался концерт) организовал и провел наставник молодого поколения консерваторцев скрипач Назар Кожухарь, выступивший как солист, лидер квартета и дирижер. Приятно отметить, что по большей части уровень исполнения соответствовал прелестям репертуара.

Известия —
1999 — 16 июня — с. 5

Карманов Павел

16.6.99.

135